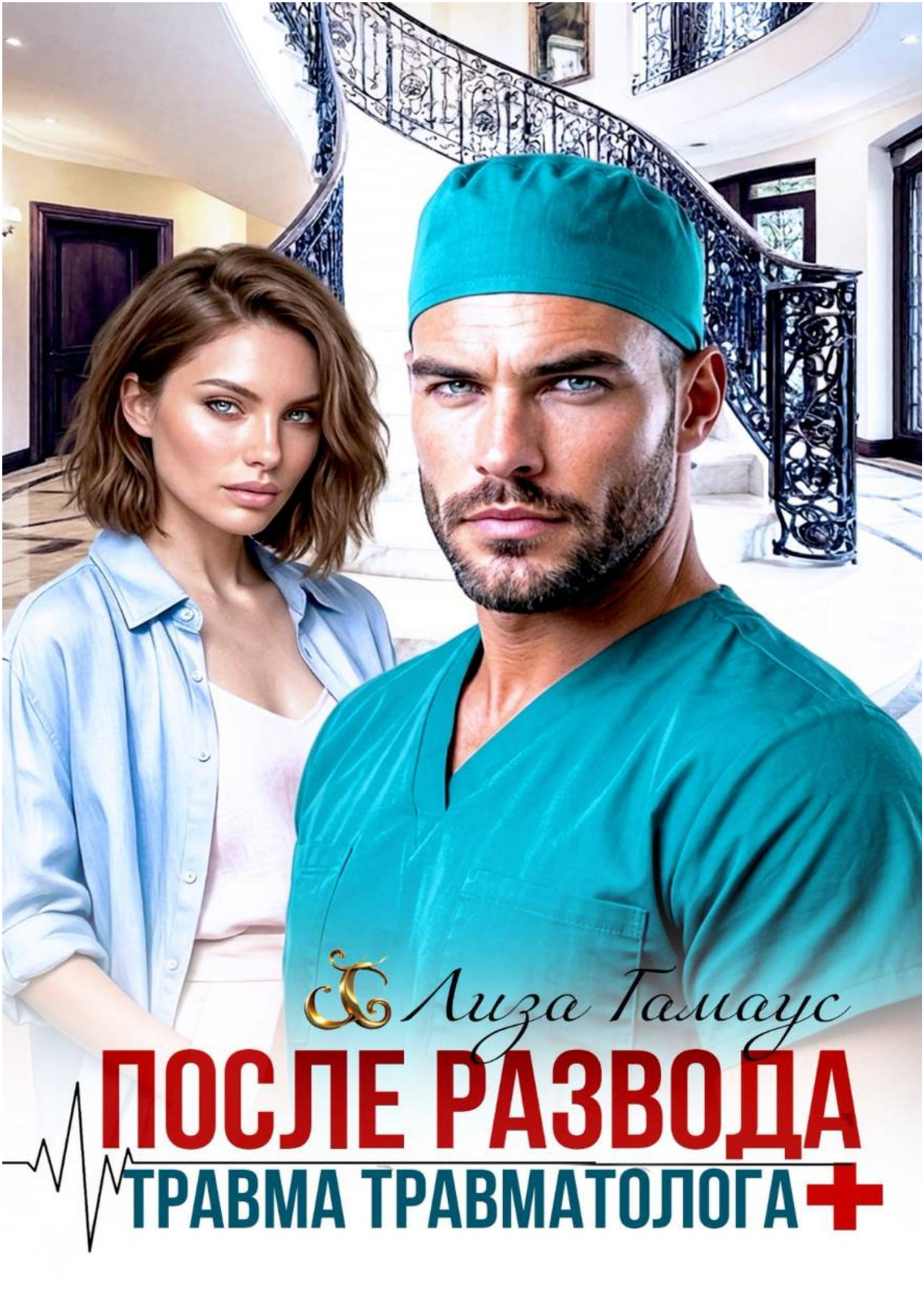

Лиза Гамаус

ПОСЛЕ РАЗВОДА

ТРАВМА ТРАВМАТОЛОГА

Лиза Гамаус

После развода. Травма травматолога

«Автор»
2026

Гамаус Л.

После развода. Травма травматолога / Л. Гамаус — «Автор», 2026

Есть четыре вида падения: активное, пассивное, свободное и ступенчатое — то самое, с лестницы, после которого я открыла глаза в больничной палате. Удивительно, но я отделалась только сломанной ключицей. Падение же стало финальным аккордом моей семейной жизни. Случайно я упала, или всё-таки меня толкнул мой лживый муж, я пока не знаю.Зато я знаю, что он готовит почву, чтобы "правильно" развестись, получив официальное признание моего психического нездоровья. Прежде, чем он получит опекунство, я должна успеть подать на развод. А вот после развода, я ему покажу, где раки зимуют.Единственный, кто мне верит, — мой травматолог.

© Гамаус Л., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1.1. Он ждал 5
Глава 1. 7
Глава 2. В палате 9
Глава 3. Грузчик 12
Глава 4. Ещё одно фото 16
Глова 5. Финальный аккорд 19
Глава 6. День процедур 21
Глава 7. Вода 23
Глава 8. Архитектор 25
Глава 9. Инфополе 27
Глава 10. Козыри 30
Глава 11. Знак 33
Конец ознакомительного фрагмента. 34

Лиза Гамаус
После развода. Травма травматолога

Глава 1.1. Он ждал

Я летела с лестницы точно так же головой вниз, ногами вверх, иногда притормаживая на ступеньках, как Мерил Стрип в известной американской чёрной комедии начала девяностых.

Не поленилась, нашла этот эпизод и прослушала диалог перед тем, как взбешённый Брюс Уиллис толкнул свою жену одним пальцем вниз. До этого он её душил, если кто помнит.

— Этого не будет! Ты не прикарманишь мои деньги! – кричит Брюс Уиллис (имя героя не помню, но он был доктором, что довольно иронично, учитывая профессию моего мужа).

— О чём ты говоришь? — отвечает, спрашивая, Мерил Стрип (героиню звали Медлин)

…

— Когда ты в последний раз работала? Даже своим лицом ты обязана мне. Я сказал, что думаю. Ты бездарность.

— А ты кто такой? Ничтожество. Пустозвон. Размазня. Пьяница. Шут гороховый.

…

— Я этого не потерплю!

— Стерпишь! Ты даже на мужчину перестал быть похож… Мне нужен настоящий мужчина, а не этот вечно надравшийся гробовщик. Такая же мумия, как и твои клиенты. Но я бы с кем-нибудь из них развлеклась. У них есть хоть что-то твёрдое.

Сразу после этих слов Брюс Уиллис начинает душить Мерил Стрип. Душит, потом через какое-то время отпускает руки, когда она стоит спиной к огромной мраморной лестнице. Пятки свешиваются со ступенек, ещё мгновение — и Медлин упадёт. Она умоляет о помощи, машет руками, балансируя и пытаясь устоять, но не может… удержаться, чтобы не назвать мужа идиотом.

В этот момент он мягко толкает её пальцем, и она падает вниз. Кувыркается, летит всё быстрее и быстрее, кажется, что её ужасное падение никогда не закончится, но она наконец падает на пол, ломает себе все кости и испускает дух. Поза, в которой Медлин застывает, в этом сомнений не вызывает.

Игорь орал на удивление похожие слова перед моим падением.

Катализатором у нас выступила ревность.

Он решил, что я сплю с его партнёром.

На разоблачающем фото его партнёр Иннокентий сидит в полумраке ресторана с дамой в платье с голой спиной и тёмным каре на голове. Предполагается, что это я.

Игорю позвонила Марина, жена Иннокентия, заплывшая жиром от сытой жизни и лени женщина с медленным, полу застывшим взглядом только что проглотившего кролика удава. Удав смотрит по сторонам, потому что неповоротлив: кролик ещё не переварился и мешает быстро двигаться, как Маринина задница.

Бывают, конечно, и добрые ухоженные толстушки, даже очень сексуальные и привлекательные. Многим дяденькам нравятся такие булочки, но это не про жену партнёра моего мужа. В Марине, как в зеркале, отражается вся её жизнь: обида на собственную невостребованность, которую она проецирует на всех женщин с голой спиной.

Жене Иннокентия во всех местах и за каждым углом мерещится измена, новые любовницы мужа — хитрые провинциалки, хотя сама из Тулы, которые отнимут у неё её добро. Она всегда ходит с недовольным видом и насмешкой на устах.

Иннокентий же плевать хотел на её догадки и разоблачения, он постоянно ей изменяет. Так что в целом в своих подозрениях Марина не беспочвенна.

Я стараюсь не встречаться с Мариной, потому что чувствую себя виноватой в том, что замалчиваю про его любовниц. Как и не особо люблю видеться с её мужем, преимущественно по той же причине, но не только. Получается какое-то молчание сговора, в котором я не желаю участвовать.

Почему Игорь ей поверил?

Он ждал.

Он давно хотел такую новость, ему очень надо было мне что-то предъявить, загнать в угол.

Я давно чувствовала, что с Оксаной Гоголевой, заведующей женской консультацией при роддоме, где он главврач и ведущий хирург акушер-гинеколог, у него есть шашни. Я видела их в кафе в торговом центре, где даже если бы они встретились случайно, вряд ли бы пошли есть пирожные и обсуждать количество абортов на душу населения.

А потом, через какое-то время я слышала, как он ей сказал по телефону «прижал бы тебя и не отпускал».

Я посмотрела на его телефон и увидела, что это был звонок от неё, у него в телефоне она так и записана «Оксана Гоголева».

В моём шкафу есть очень похожее платье с голой спиной, и я ношу тёмное каре. На фото, которое сподвигло Игоря на скандал, лица женщины не видно, но ему этого было достаточно, он не стал разбираться, тем более, что фото пришло не от анонимного доброжелателя, а от Марины, жены партнёра и его «подруги».

Игорь тогда вернулся домой с каким-то особым выражением лица — он пришёл не просто спонтанно злым, он пришёл подготовленным. Как будто всю дорогу от офиса репетировал речь на светофорах и в пробках перед зеркалом заднего вида.

Я стояла на верхней площадке, собираясь спускаться вниз, когда он захлопнул входную дверь с такой силой, что хрустальная люстра на первом этаже жалобно звякнула своими дымчатыми подвесками.

— Ну что, поговорим? — спросил он, театрально скидывая пиджак на пол.

— О чём, Игорь? — мне показалось, что он слегка выпивши.

— Ты и Иннокентий! — громко произнёс он. Я с трудом узнавала его голос.

— Я и Иннокентий? — усмехнулась я, не совсем понимая, но уже догадываясь, о чём речь. Очередные проделки Марины, не иначе. — Игорь, если бы ты видел меня рядом с Иннокентием, ты бы понял, что у нас нет и не может быть ничего общего.

Он шагнул ко мне. На три ступеньки. Я инстинктивно отступила. Наверх. На один шаг. Потом на второй. Спиной к перилам, которые слишком больно в меня упирались…

Глава 1.

2. Лестница

Игорь продолжал приближаться.

— Откуда мне знать, что у вас было с этим нарциссом? — наступал он, и в голосе появилась эта мерзкая тягучая интонация, которой он приправлял все свои допросы. — Тогда кто был в ресторане? Кто это?

— В каком ещё ресторане?

— Не ты? — Он вытащил телефон и протянул мне, но так, чтобы я не могла его взять, только видеть. — А это что?

На экране было то самое фото. Ресторанный полумрак. Женщина со спины. Тёмное каре, платье с голой спиной. И мужчина рядом. Его лица почти не видно, но я узнала этот поворот головы, эту посадку. Иннокентий.

— Это не я, — повторила я. — Когда было сделано фото? Какого числа? Я только вчера приехала из Питера.

— И что? Ты не могла там пойти с Иннокентием в ресторан? В этом грёбаном городе-музее всё пропитано пороком.

Пьяный бред.

— Когда сделано фото? Это не я! Отвали от меня со своими фальшивками, — мне не хотелось оправдываться. Да с какой стати я должна была вестись на Маринины разводки?

Он убрал телефон и шагнул ещё ближе.

— Игорь, — сказала я, и в голосе уже не было усмешки, — ты веришь Марине? Серьёзно? Этой толстой змее, которая каждую ночь просыпается от страха, что Иннокентий уйдёт к какой-нибудь двадцатипятилетней дуре, потому что она сама превратилась в диван с ножками?

— Не надо про Марину, — повторил он и стал переходить на крик. — Не отвлекайся! — Я тебя спрашиваю, где ты была?

— Когда?

— Ты врёшь!

Он был пьянее, чем я подумала сначала.

Я фыркнула. Это был последний раз, когда я позволила себе фыркнуть. Потому что в следующую секунду он сократил оставшееся между нами расстояние, и его пальцы вдруг сомкнулись у меня на горле. Я успела только выдохнуть.

— Ты врёшь, — прошипел он, и я увидела его глаза, расширенные, мокрые, почти безумные. — Ты думаешь, я дурак? Ты думаешь, я не вижу, как ты на него смотришь? Ты решила, что он лучше меня? Этот клоун, который закрашивает седину и ездит на «Порше», чтобы казаться моложе?

Я пыталась дышать. Пыталась сказать хоть что-то. Вместо слов выходил только хрип.

— Когда ты в последний раз работала? — вдруг спросил он, отпуская горло. Я сделала шаг назад, но он схватил меня за плечо. — Когда, Лена? Ты сидишь дома, тратишь мои деньги, ходишь по салонам, а потом спишь с моим партнёром и считаешь, что имеешь на это право?

— Игорь… — Я с усилием оттолкнула его руку. — Ты сам меня просил уйти с работы. Я дважды хотела вернуться, но ты настаивал: «Я хочу, чтобы ты была дома». Это твои слова.

Диалог с пьяным разъярённым мужиком смысла не имеет, но я попыталась.

— Помню, — он усмехнулся. — Придурок. Я заплатил за то, чтобы ты наряжалась для другого.

— Ты невыносим! — выкрикнула я. Голос сорвался. — Вечно на взводе, вечно с каким-то дерьмом в голове! Вечно с претензиями. Ты думаешь, мне нужен кто-то другой, чтобы понять, что с тобой что-то не так? Ты сам всё разрушил, Игорь! Ты сам!

Он замер.

—Ты была никем, когда я тебя встретил. Никем с амбициями и без гроша в кармане.

— А ты кем был? — я шагнула к нему, ничего не боясь. Внутри горело так, что страх просто испарился. — Ты был неуверенным в себе троечником, еле-еле закончившим институт! Ты работал в морге! Ты пах формалином, когда мы встретились! Ты думаешь, я забыла? Ты пах смертью, а я… я просто была молодая и глупая, которая расправила тебе плечи. Бесстрашно кинулась в атаку. Кто заставил тебя идти в ординатуру? Кто заставлял тебя учиться?

Он не ответил. Он просто шагнул ко мне. Или я шагнула к нему. В общем, мы оказались на краю площадки, и я спиной чувствовала пустоту лестницы.

— Ты кто такая, чтобы так со мной разговаривать? — спросил он. — Ты вообще никто.

— А ты? — Я ткнула пальцем ему в грудь, и он на секунду отшатнулся. — Если бы я не стояла над тобой, как цербер, беременная, с онемевшими пальцами от бесконечных переводов, ты бы справился?

— Я всегда был лучше всех, дура! Мой шов никто не может повторить!

— Твой шов и вся твоя клиника — это деньги твоего папаши, который отрёкся от тебя, с которым ты годами не разговаривал. Это я вас помирила, и я его убедила поверить тебе.

— Не смеши меня, глупая курица!

— Мне не нужна твоя благодарность, обойдусь, — я была на грани. — Иннокентий не спит со мной! — выкрикнула я в полном отчаянии. — Иннокентий спит со всеми, кто скажет «да», кроме твоей Марины! И ты прекрасно это знаешь! И ты недалеко от него ушёл.

Наверное, это было лишнее. Наверное, не надо было. Но мне было плевать. Я видела, как в нём что-то ломается. Как зрачки сужаются, как он сжимает кулаки.

— Заткнись, — сказал он.

— Не затыкай мне рот, — ответила я.

— Я сказал: заткнись!

— Охреневший тупица!

— Заткнись, Лена!

— Хам!

Он кинулся на меня. Не душить — просто хотел схватить за плечи, я увернулась, оступилась и полетела назад. Спиной. Вниз. Я видела его лицо на долю секунды — и в нём не было злости. Только ужас. Как у человека, который только что сам не понял, что натворил. А потом я уже не видела ничего, кроме перил, ступенек, хрустальной люстры, которая пролетала мимо меня слишком быстро, слишком ярко, слишком красиво.

Я помню, как стукнулась головой о ступеньку, как хрустнуло что-то в плече, как щека почувствовала холодный пол, как мир перевернулся ещё раз, и ноги задрались куда-то вверх.

А потом — тишина.

Глава 2. В палате

За окном солнце.

Люстра в моём доме уже снова висит неподвижно. Вот ведь прицепилась, просто въелась в сознание. Я о ней никогда не думала раньше — висит и висит.

Я тоже вишу. Между жизнью и её тенью. Между «я упала» и «меня толкнули». Между «я люблю» и «я больше не хочу».

Лежу в больничной палате. Белые стены. Капельница. Запах стерильности, который я раньше ненавидела, а теперь почему-то он успокаивает. На голове повязка. Левая рука прибинтована к телу в согнутом состоянии, при малейшем движении сильно отдаёт в плечо.

Медсестра или сиделка, пока не разобралась, немолодая, крупная, с усталым лицом, поправляет одеяло. Я чувствую себя ребёнком, которого укладывают спать после кошмара.

— У меня на щеке большой шрам?

— Не думайте об этом, — отвечает она. — Вам нужно отдыхать. Вам повезло, что остались живы.

— Очень повезло, — соглашаюсь я. — Я почти везучая. Зеркало можно попросить? Хоть какое, хоть пудреницу, — провожу здоровой рукой по щеке. Чувствую, что есть шрам, но он не заклеен. Царапина?

— Вот, смотрите, — протягивает мне зеркало на ручке. — Совсем немного. Отшлифуете потом у косметолога. Будет незаметно.

Смотрюсь и вижу прямо в середине щеки небольшую вмятину, но она и правда небольшая и несерьёзная.

Медсестра качает головой.

— Полиция уже приходила, — говорит она. — Будете заявление писать?

Я отворачиваюсь к окну. Плечо сразу реагирует резкой болью.

— Скажите им, что я просто упала. Сама. Споткнулась. На каблуках. Я правда была на каблуках, в новых лодочках на шпильках.

— Вы уверены? — она мне не верит. Дома не все ходят в такой обуви. Я иногда хожу. Я не хожу в шлёпанцах и носках. И без лифчика с лохматой головой.

— Да, уверена, — говорю я. — Я просто упала. Знаете, сколько знаменитых женщин падали с лестниц в своих домах?

— Где? За границей, что ли? В Америке?

— Неважно. Падали, потому что лестница в доме — это символ двойственности.

— Как это?

— Одновременно путь наверх и вниз.

— Скажете тоже, — она задумывается. — К этому всё можно привязать. И я один раз упала на ступеньках. Пешком спускалась с девятого этажа. Это только кажется, что спускаться легче. Но я упала из-за телефона.

— Ещё, руки нельзя держать в карманах, когда спускаетесь по лестнице, — говорю я со знанием дела, то есть со сломанным плечом и пластырем на лбу. — Обход будет сегодня?

— Нет, в воскресенье не бывает. Есть только дежурный врач. Завтрак принесут через полчаса, я вам помогу сесть. У вас же одна рука нормально работает? Вы сможете есть?

— Да, спасибо. Смогу. Плечо очень болит, если честно. Перелом, не знаете? Гипса нет.

— Гипс не всегда ставят. У вас повязка.

Она уходит.

Я одна в палате.

Хочется кому-нибудь позвонить, что я в больнице, но телефона у меня здесь нет. Сразу становится одиноко и тоскливо. А кому позвонить? Вале? Подруге, которой придётся всё рассказать. А ей так нравится Игорь! Она души в нём не чает, и такой облом.

Игорь завтра придёт, конечно, принесёт телефон и яблоки, но я его не хочу видеть и смотреть ему в глаза. Будет извиняться. Не хочу.

Гоголева наверняка уже в курсе, что я слетела со второго этажа. И он обставил всё по-своему, что вообще не виноват, а я сумасшедшая жена-домохозяйка. Что с меня взять? Истеричка. Они уже всё обсудили. Физически он меня не толкал вниз, это так.

Дверь открывается.

Входит санитарка с тележкой, на которой тарелки с едой.

— Рисовая каша, ржаные хлебцы, два яйца, масло, сыр, огуречное смузи, — объявляет она ассортимент. — Чай будете?

— А воды дадите?

— Так у вас на тумбочке стоит бутылка.

— Ааа… Спасибо.

Санитарка всё выкладывает и уходит.

Лежу и жду, когда придёт сестра с усталым лицом. Не могу двинуться от боли. Закрываю глаза.

— Давайте я вам помогу, приподнимитесь, — она пришла, как обещала.

Усаживает меня и помогает есть, почти кормит.

— Спасибо вам. Как вас зовут?

— Лена.

— Да? Я тоже Лена, — улыбаюсь я, — скажите, Лена, а можно сделать так, чтобы в палату не пускать мужа. Пусть передаст вам всё, что принесёт, и отправляется обратно. Я не хочу его видеть.

— Так он уже приходил. Я вам пакет принесла, вот он, — она берёт в руки пакет, который лежит в ногах у меня на кровати. — Показать, что там?

— Приходил? — вырывается у меня. — Телефон там есть?

— Да. И зарядка.

— Его не пустили наверх?

— Да нет, в воскресенье как раз всех пропускают. Он сам не захотел. Скорее всего.

Меня это удивляет. Он что, боится показаться мне на глаза? Он же врач. Или ему стыдно, придурку?

Пью смузи. Крутанули в миксере огурцы, укроп, петрушку и немного чёрного перца. Так себе. Не хватает авокадо, как по мне.

После завтрака устраиваюсь на кровати с телефоном.

Звонок. Валя.

Мы учились вместе на одном потоке, обе с французским и английским. Работали какое-то время в переводческом бюро, на конгрессах. Валя стала синхронисткой на обоих языках, специализация — медицина. За спиной два развода, сейчас не замужем. «Некогда и неинтересно», как она говорит. Момент упущен, точнее, блюдо оказалось слишком острым, жирным и солёным одновременно. Организм дал сбой.

Даже не знаю, есть сейчас у неё кто или нет. Последним приятелем был Рома, тренер по плаванию в каком-то элитном спортивном клубе. Мы с ней ходили туда плавать, иногда спускались в бар выпить кофе и поболтать с разными членами этого самого клуба.

Я обычно помалкивала в сторонке, выступала в основном Валя. У неё потрясающее чувство юмора, фиолетовые глаза, маленький прямой носик невинного дитя, надутые губки, длинные ножки и много чего другого неповторимого, как у каждой женщины, если она сама понимает, что всё, чем её наградила природа, – её достоинства.

Мужики на неё западают всегда, если она им позволяет обращать на себя внимание.

— Твой Игорёк невероятный симпатяга, да ещё и доктор. Где ты нашла такого? — она говорила, как есть.

— Я его сама сделала. Но кое-где ошиблась. Первый раз же лепила, — хмыкнула я.

Я их познакомила далеко не сразу, года через три после свадьбы.

— Если бы я не знал, что Валя твоя подруга, подумал бы что она профессиональная эскортница, — сказал про неё Игорь.

— Ты знаком с эскортницами?

— Я акушер-гинеколог, Ляль. Ты забываешь постоянно.

Отвечаю на телефон.

— Ленок, я внизу, сейчас к тебе поднимусь, — слышу я Валин голос.

Глава 3. Грузчик

Валя сидит на стуле около моей кровати. В белом спортивном костюмчике, свежая, с новой стрижкой, пахнущая довольной жизнью. У неё всегда так: после командировок она возвращается не уставшей, а заряженной, как будто Гонконг или Вьетнам подзаряжают её батарейки.

Я не знаю её планов, и есть ли они у неё.

Женщина, которая выстрадала свой путь и научилась жить так, как она хочет. Редкий экземпляр.

— Игорь просил передать, что завтра тебя посмотрит очень толковый хирург-травматолог, — говорит Валя.

— Когда он тебе позвонил?

— Сегодня утром. Часов в десять. Вы, чувствую, поругались не на жизнь, а на смерть.

— Ну, смертей не будет, вроде. Будет развод, — поджимаю я губы.

— Это ты так решила? А Ванька? У вас же ребёнок.

— Ребёнку четырнадцать лет, скоро пятнадцать. Как учился, так и будет учиться. Папашу у него никто не отбирает.

— А вдруг он захочет жить с ним, а не с тобой?

— Захочет, значит, будет.

— Ничего себе, мамаша.

— Он же головастый у нас, собирается в частную школу для особо одарённых с первого сентября, экзамены сдал, а это школа-пансион.

— С проживанием которая?

— С проживанием, да. Я уже смирилась. Он самостоятельный. Почисть мне яблоко, если тебе не трудно, — прошу я Валю. — У Игоря есть любовница, это раз, — начинаю я вводить подругу в курс дела. — Марина прислала ему фальшивое фото, где я сижу в ресторане с Иннокентием. Это два. Он, типа, приревновал, и мы сцепились, — в памяти всплывает обозлённая физиономия Игоря и запах алкоголя. — Я стояла на лестнице и оступилась, когда мы ругались. Он меня не толкал. Но он поверил Марине.

— Ты уверена про любовницу? Или просто накручиваешь себя, как ты умеешь?

— И то и другое. Не знаю точно, но подозреваю давно.

Она чистит яблоко — аккуратно, длинной спиралью, не обрывая кожуру.

Эта яблочная спираль похожа на мою жизнь.

Мы ходим по кругу годами, а потом падаем, не успев попробовать сердцевины.

— Помнишь, в клубе у Ромки мы болтали с одними симпатичными дяденьками последний раз? — Валя резко меняет тему, уводя меня от непростых воспоминаний. Она умеет переключать внимание.

— Болтала ты. А я тихонечко пила свой кофе за столиком в углу.

— Не надо. Они потом к нам пересели. Представились грузчиками с продуктового рынка, а мы маляршами.

— Это твоя версия, — она немного поднимает мне настроение, — я в малярши не записывалась.

— Встретила одного из них вчера на том же месте. Высокого. Он часто там плавает. Атлетический такой. Симпатичный.

— А Ромка что? Не видел? Соберёшь проблем, Валентина.

— Он вообще-то про тебя спрашивал, я ему неинтересна.

— Про меня? Да мы почти с ним не разговаривали. Я даже не помню, как его зовут.

— Иван его зовут.

Имя падает в тишину палаты камнем в воду, и я чувствую, как круги расходятся по поверхности моего сознания. Иван. Я вспоминаю его — смутно, но достаточно, чтобы понять: он был из тех мужчин, которых не забываешь.

— Ну и что? Какая мне разница? Мне надо кости лечить и голову. На лбу видишь пластырь, боюсь предположить, что там.

Есть такие лица — они врезаются в память, даже если ты не хочешь их запоминать. Мужественные и одновременно благородные. Меня тогда тронуло его внутреннее спокойствие, которое бывает у уверенных в себе людей, которым нечего скрывать. Но я мало с ним разговаривала. Не было настроения, сидела уставшая, с непросушенной головой после бассейна. Далеко не в лучшем виде.

— Что тут такого? Вспомнила и сказала, — хмыкает Валя. — Не только же про мужа твоего нам сейчас разговаривать. У меня такое впечатление, что Игорь боится к тебе идти.

— Да, протрезвел и понял, что устроил. Но ты не становись почтовым голубем, пусть сам мне звонит. Так ему и скажи, что я не хочу никого впутывать в наши разборки, если опять попросит.

Я откидываюсь на подушку. Усталость разливается по всему телу. Я ещё очень слабая.

— Всё, Ленок, я пойду. Тебе надо отдыхать. Пиши, звони, если что-то надо привезти. Я в Индию через десять дней, но до этого в твоём распоряжении.

Валя уходит. Я остаюсь со своими мыслями. Плечо болит от каждого шевеления. Закрываю глаза. Проваливаюсь в сон, который не кончается.

Сплю до следующего утра.

Просыпаюсь от звука открывающейся двери. Свет из коридора падает на белый пол палаты, и я вижу силуэты. Много силуэтов. Врачи, медсёстры, интерны. Целая процессия. Как в кино про больницу, где главный герой — загадочный хирург с идеальной улыбкой.

Только я — не героиня. Я — пациентка, которая не может пошевелить левой рукой и у которой на лбу пластырь, скрывающий что-то, что я пока не готова увидеть.

Голоса смешиваются в общий гул, пока я разлепляю глаза. Утренний обход. Я знаю этот ритуал: главный врач, за ним свита, все серьёзные, все смотрят на тебя как на экспонат, точнее, на медицинский случай, который нужно обсудить.

— Доброе утро, — раздаётся голос. Низкий, хрипловатый, тёплый. Почему-то он выделяется среди остальных. Приятно так звучит.

Я поднимаю голову.

И в этот момент мир останавливается.

Не как в кино — а как в жизни, когда что-то важное случается слишком быстро, чтобы ты успел это осмыслить.

В дверях стоит мужчина. Высокий, спортивный, с лёгкой небритостью, которая на врачах обычно выглядит небрежно, но на нём стильно.

Я чувствую, как что-то ёкает внутри. Где-то между больным плечом и разбитым сердцем. Я не могу дышать. Это длится секунду или целую вечность. Я не знаю.

Как будто кто-то ударил меня током.

Время и место — неподходящие.

Я лежу в больничной палате, с повязкой на плече, с пластырем на лбу, с синяками, которые я ещё не видела, но чувствую. Я — не в лучшей форме. Я — не готова. Но оно происходит. Просто происходит. И я ничего не могу с этим сделать.

Он подходит ближе, в руках — моя история болезни на планшете, листает её, даже не глядя на свиту, которая замерла за его спиной. Все они ждут, пока он скажет что-то важное. Но он молчит. Он смотрит на меня.

— Лена, — говорит он, и я слышу, как он произносит моё имя. Не как врач, а как человек, который знал меня раньше. Как будто мы встречались в другой жизни. Или в этой. Или мы

встретимся позже, а сейчас — только первый акт. — Я Иван Петрович Бодров, заведующий травматологическим отделением. У вас перелом ключицы.

Пытаюсь понять, почему его лицо кажется мне знакомым. Вглядываюсь в черты. Родинка над левой бровью. Чёткая линия скул. Глаза, которые смотрят на меня так, будто он видит не просто пациентку, а женщину, которую где-то уже встречал.

И тут вспоминаю. Спортклуб. Валя. Тот мужчина, который подошёл к нам за столик в баре. Валя вчера мне что-то про него говорила и назвала его Иваном.

Да не может такого быть!

Сколько странных совпадений! Медсестра Лена, врач Иван, как мой Ванька. Как будто вселенная собирает пазл, который я не просила собирать. Как будто кто-то наверху решил, что моя жизнь недостаточно запутанна, и подбросил мне это.

Неужели он тот самый мужчина, с которым я встретилась в спортклубе? Я тогда подумала: «Бывают же такие симпатичные мужики».

Просто запустила это во вселенную, ничего не имея в виду, зная, что меня он никак не касается, мало ли, кто нам встречается на пути. Я встала из-за столика минут через двадцать, как он подсел со своим приятелем, и отправилась восвояси. Вообще о нём не вспоминала. Зачем?

О чём мы с ним разговаривали? О какой-то бессмыслице. Он шутил, я отмалчивалась. Не подпускала его к себе, так, бросила сразу пару фраз, что у меня нет проблем с досугом. Потому что и в мыслях не было с кем-то что-то замутить. Я замужем и точка.

Валя шутила с ними обоими. Она только что вернулась из Гонконга, ей было, чем занять собеседников. Когда это было? Не так давно.

Теперь он стоит передо мной, и я понимаю, что он тоже меня узнал. Но не подаёт виду. Или подаёт, но так незаметно, что я не могу разобрать. Как будто это не он, а кто-то другой. Как будто наши взгляды — это не встреча, а случайность. Хотя, так и есть. Случайность, которая ждёт, когда ей случиться.

— Да? — говорю я, и голос звучит слишком тонко. — Перелом? А гипса нет.

— Мы сделаем другие снимки, уточним характер повреждения на другой аппаратуре. Судя по тому, что я вижу, операция не понадобится. Но нужно время.

Он улыбается. С пониманием. С чем-то ещё, чего я не могу объяснить. С теплом, от которого внутри разливается что-то опасное и сладкое одновременно.

— С одиннадцати процедуры, — говорит он. — Пожалуйста, следуйте всем рекомендациям.

— Я буду стараться, — отвечаю я.

— Знаю, — говорит он мне на прощанье.

Уходит, и свита за ним. Я остаюсь одна.

День начался с красивой улыбки. Неожиданный подарок. Как важна поддержка всё-таки, маленькая, но очень ощутимая.

Игорь тоже врач. Я никогда не видела его на работе. Может быть, он тоже умеет так улыбаться своим пациенткам. Но когда он улыбался мне в последний раз? Я не помню.

В палате тихо. Открывается дверь, въезжает медсестра с подставкой для капельницы. Другая, не та, что была вчера.

Мажет мне здоровую руку спиртом и всаживает в вену иглу.

В голове, конечно, доктор.

«Остановись. Ты замужем. Ты — пациентка. У тебя сломана ключица, а не голова».

Ну и что. А если я не могу забыть его взгляд?

Все эти раздумья только от того, что я больная, слабая, со сломанным плечом получила немного доброты от красивого мужика. Надо остановить эти мысли и вернуться в реальность. Он просто врач, у него таких, как я, целое отделение. Я для него — одна из многих.

И всё же, он меня вспомнил. Не будет же он говорить при всех: «А, это вы, та молчаливая незнакомка из бара в спортклубе». А я ему: «Да, вы грузчик с продовольственного рынка, как же, как же».

Улыбаюсь. Глупо. Я давно так не улыбалась.

Закрываю глаза и чувствую, как боль отступает. Или это не боль отступает. Это приходит что-то другое. Что-то, чему я не хочу давать имя. Потому что если я назову это — оно станет реальным.

А я пока не готова к такой реальности.

Глава 4. Ещё одно фото

В палате тихо. Слышно только, как за окном чирикают какие-то птицы, да где-то в коридоре переговариваются медсёстры.

— Лена! — слышу я голос Игоря.

Он входит в палату. Набрался храбрости, решил показаться. Деваться некуда.

В руках — букет роз. Слишком яркий для больничной палаты. Слишком пафосный для человека, который почти сбросил меня с лестницы.

Он никогда не дарил мне розы. Дарил орхидеи, герберы, лилии, тюльпаны — благородные цветы. Видимо, сам себя таким считает. А розы — это массовка, затасканность, банальность, дешёвая открытка, что-то из вампирского антуража. Ну, кто как видит этот мир. Как по мне, то я их обожаю. Могу и сама себе их купить. Розовые, например.

Сейчас он пришёл извиняться и подстраивается под мои скрытые желания, о которых, типа, всё знает.

— Привет, — говорит он заботливым тоном. — Как ты?

— Отлично, — отвечаю я и уворачиваюсь от поцелуя. — Лечусь. Скоро выпишут. Пока жива.

— Я пришёл…

— Поговорить? — перебиваю я. — Извиниться? Сказать, что это была случайность?

Он молчит. Садится на стул, где вчера сидела Валя.

— Я знаю, что виноват. Я перегнул. Я поверил Марине. Но ты же понимаешь…

— Что я понимаю? Что ты мне не веришь? Что ты готов поверить кому угодно, только не мне?

— Лена, — он сглатывает, — я не хочу ссориться. То, что случилось, многое поменяло. Я многое осознал.

— И я. Если точнее, я пришла к выводу, что мне нужна пауза. Может, ты от меня съедешь? Ваня уедет в школу. Я останусь. Возьмёшь квартиру или дом в аренду. Ты можешь себе это позволить. Временно пока. Я не хочу больше жить с тобой под одной крышей.

Само вылетело. Я даже не хотела этого говорить. Но в любом случае, это была не первая наша ссора. Впервые случилось так, что из-за скандала один из нас мог чуть ли не погибнуть. Гарантий, что таких ссор больше не будет, я не вижу.

— Ты серьёзно?

— Абсолютно.

В палате повисает тишина. Только птицы за окном и его дыхание. Дыхание человека, который не знает, что сказать.

— Лена, — он пытается взять меня за здоровую руку, но я отдёргиваю, — я не хочу уходить. Ты просто злишься.

Конечно, не хочет. Столько неудобств, надо собирать вещи, искать новое жильё, тратить время и бабки.

— Я не злюсь. Я не могу жить с человеком, который мне не верит. И лжёт сам. Расскажи мне про Оксану.

Он краснеет. Даже в тусклом больничном свете видно, как краска заливает его лицо. Как будто я ткнула его в то место, которое он прятал от всех. Так и есть.

— Откуда ты знаешь про Оксану?

— Я видела вас вместе. И не раз. Ты думал, я слепая?

Он молчит. Я вижу, как внутри него происходит борьба.

— Это не то, что ты думаешь, — наконец говорит он. Ничего лучше не придумал, чем эту банальность. Или ему всё равно. — Она — просто коллега. Мы работаем вместе.

— Я знаю, что у тебя с ней что-то есть. Или было. Мне не нужны подтверждения.

Он встаёт. Я вижу, как он злится, но сдерживается. Как будто я — пациентка, а он — врач, который не может кричать на больного.

— Я не буду с тобой спорить. Ты устала, ты больна. Но я не уйду из дома.

— Уйдёшь. Или я уйду.

— Ты не уйдёшь, — повторяет он. — Ты не сможешь.

— Смогу. Я уже упала. Дальше падать некуда.

Он сжимает челюсти.

— Хорошо. Обсудим это позже. Я видел снимки, говорил с врачом. Руку надо лечить. Врач опытный. У него какие-то необыкновенные процедуры для костей. Поэтому ты здесь.

Встаёт.

Он уходит, не попрощавшись. Просить и продолжать извиняться он больше не будет. Розы, которые он оставил на тумбочке, уже начинают увядать.

В восемь звонит Валя.

— Ты видела фотку? Я только что тебе послала.

— Какую?

— Игорь и какая-то женщина. За столом. Я случайно попала в этот ресторан. Китайский на Чистых. И увидела его в другом зале. Ты её знаешь?

— Подожди, посмотрю.

Открываю сообщение трясущейся рукой. Игорь и Гоголева. Какой примитив! Всё так просто и очевидно.

— Алло! Ты ещё в ресторане? — спрашиваю Валю.

— Да, я в другом зале. Он меня не видит.

— Спасибо.

— Я сначала не хотела, но потом подумала, что тебе это может пригодиться.

Она права. Это пригодится. Не для скандала. Для решения.

Наверное, это у них давно. Сразу побежал к ней. Может теперь не париться, когда приходить домой, и приходить ли вообще. Осталось только добыть фото, как они лежат в одной постели. Гадость-то какая, эта измена. Кто бы знал! Предательство, обман, пренебрежение.

Внутри всё пылает. Плечо болит так, что хочется орать в голос. Звоню медсестре.

— Можно обезболивающее?

Слёзы текут ручьём, повязка на лбу чешется, плечо разрывается..

На кого я сейчас похожа? Даже не задумываюсь. Валька завтра привезёт косметику: крема и всё такое.

Когда такая боль, мысли крутятся только в одном направлении. Не до чего. Отвинчиваю пробку у бутылки с водой одной рукой и пью из горла.

В этот момент дверь открывается.

И входит Иван Петрович. В другом халате. Он не очень широк в плечах, он такой немного утончённый, но крепкий. Жалко не видела его в бассейне. Я бы посмотрела.

Иван Петрович замирает на пороге. Я — растрёпанная, с красными глазами, с бутылкой в руке, с повязкой на лбу и со следами слёз на щеках. Героиня фильма, который некому смотреть. И вот один зритель нашёлся. По долгу службы.

— Лена, — говорит он тихо. — Я пришёл проверить, как вы.

Я не отвечаю. Не могу. В горле ком. Почему он всё время видит меня, когда я в самом ужасном состоянии, на себя не похожа? Как нарочно.

Он делает шаг ко мне. Осторожно, будто к раненому зверю, который застрял в капкане. Садится на стул, где сидел Игорь. Ненавижу этот стул. Но садится не как Игорь. Как человек, который видит боль. И не боится её.

— Что случилось? — спрашивает он.

Я молчу. Смотрю на розы. Они кричат вместе со мной. Потому что им тоже тут не место. Потом перевожу взгляд на телефон. Как будто вожу невидимой камерой, выхватывая из пространства знаки.

И вдруг я чувствую, как внутри меня что-то обрывается. Я столько времени держалась, висела на тонкой ниточке, еле-еле, и теперь она лопнула. В голове опять мелькают воспоминания, как я летела вниз, как звенела люстра…

— Я просто упала, — говорю я. — С лестницы. Сама.

— Я знаю. Но это не то, о чём я спросил.

Не то? А о чём он спросил? В его глазах — не жалость. Понимание.

— Вы не обязаны ничего мне говорить, — добавляет он. — Но если захотите — я рядом. Вот таблетки.

Он встаёт, поправляет мою подушку, не касаясь плеча. Аккуратно, чтобы не сделать больно.

Протягивает стакан с водой. Я запиваю сразу две таблетки.

Идёт к выходу.

— Иван… — медленно и, наверное, жалобно, полушёпотом зову я его.

Глова 5. Финальный аккорд

Его плечи чуть напрягаются от внутреннего сопротивления, как у человека, который только что понял, что впутался в историю, из которой нет выхода.

Хотя, может быть и не так. Это я так вижу.

Он медленно поворачивается и идёт ко мне. Садится на край кровати — не на стул, а на край, ближе, чем я ожидала. Ближе, чем позволяют врачебные протоколы. Ближе, чем я позволяю себе надеяться.

— Скажите… вы знакомы с моим мужем?

Тишина. Как будто мой вопрос — это не вопрос, а тест, который он должен пройти.

— Почему я должен быть с ним знаком? — наконец произносит он.

— Так да или нет?

— Почему вы об этом спрашиваете, Лена?

Слишком много «почему».

Слишком много вопросов, на которые у меня нет ответов.

Я как будто в центре лабиринта и понимаю, что забыла карту. Бреду на ощупь.

— Он совладелец клиники «Белый лотос». Акушер-гинеколог. Вы не можете этого не знать. Травма тоже принадлежит «Белому лотосу», не только роддом и хирургия.

— Что значит «знаком»? Конечно, мы пересекались. По работе, — пожимает Иван плечами.

— Я хочу с ним развестись. Я не хочу за него бороться. У него своя вторая жизнь, я уверена в этом. Мы поссорились, и я упала. Разнервничалась. Ничего бы не было, если бы не постоянные ссоры. Моё падение — это финальный аккорд нашего брака.

Не могу сказать, что доктор остолбенел от моих откровений, но порядком удивился. Хотя, что его жалеть, на то он и доктор. Они умеют слушать, не пропуская всё через себя, их этому учат. Они постоянно сталкиваются с болью, физической и духовной, горем и радостью, потерями и новыми жизнями. Сплошные эмоциональные качели, с утра до вечера, даже дантисты, хотя это особая категория.

Он явно ожидал услышать что-то совсем другое от женщины, чудом не переломавшей себе все конечности и вообще оставшейся живой.

— Так и есть, — кивает он, быстро оценив ситуацию. — Вы удивительно удачно упали. Могло быть во сто раз хуже. Поверьте. Я многое видел, связанное с лестницами.

Я была готова внутренне, что он будет меня успокаивать.

— Мы ссоримся из-за всякой ерунды, — говорю я. — Он придирается ко мне по мелочам. Я не так готовлю, не так выгляжу, не так разговариваю. Я хочу работать — он говорит, что я нужна ему дома. Я остаюсь дома — он говорит, что я ничего не делаю. Я прошу его о чём-то — он отмахивается. Я молчу — он говорит, что я вечно недовольна. Я не могу угадать, чего он хочет. Он сам не знает, чего хочет, и ему наплевать на то, чего хочу я.

Иван слушает. Не перебивает. Будто я — не просто пациентка, а человек, чьи слова имеют для него значение.

Мне кажется, что я немного не в себе. У меня точно какое-то перевозбуждение. Или это просто эффект его присутствия? Я не знаю. Может быть, я выдумываю всё это. Может быть, я — обычная женщина, которая влюбляется в своего врача, потому что больше не во что верить. А может быть, это единственная правда, которая у меня осталась.

— Я подозреваю, — продолжаю я, чувствуя, как внутри закипает, — что у него есть роман с заведующей женской консультацией. С Гоголевой. Я видела их вместе. И не раз. В кафе, например. Она всегда рядом, всегда на связи. Он говорит, что она просто коллега. Но я чувствую…

Я замолкаю.

Плечо вдруг снова начинает ныть. Или это не плечо? Может быть, это сердце? Я жду от него банальности: «Вам надо отдохнуть», «Не думайте об этом», «Всё наладится». Но он говорит другое.

— У вашего мужа не может быть романа с Оксаной Гоголевой. Это невозможно.

Я застываю. Мир останавливается. Я вижу его рот, который произносит эти слова, но не слышу их. Я слышу только звон в ушах. Или это звенит та самая люстра из моего дома? Или это просто мой разум даёт сбой?

— Что вы имеете в виду? — спрашиваю я. Голос дрожит. — Откуда вы…

Он поднимает руку, останавливая меня. Его лицо становится серьёзным. Он колеблется. Я вижу, как он борется с собой — как будто внутри него идёт спор между врачом и мужчиной, между профессиональным долгом и человеческим желанием помочь.

— Лена, я не хочу говорить лишнего. Но я знаю Оксану Гоголеву. И я знаю, что у неё с вашим мужем не может быть романа.

— Почему? Она, что, инопланетянка?

— Я этого не исключаю, — улыбается он. — Потому что у неё отношения с другим человеком. И этот человек — не ваш муж.

Я смотрю на него и чувствую себя героиней детектива, которая только что нашла первую улику.

— С кем? — шепчу я. — С кем у неё отношения?

Он молчит. Я вижу, как он сжимает челюсти. Как его пальцы сжимаются в кулак. Он хочет сказать. Но не может. Или не должен. Или боится.

— Скажите мне, — прошу я. — Пожалуйста.

— Я не могу этого сказать. Но я могу вас уверить: если вы подозреваете вашего мужа в измене с Гоголевой, вы ошибаетесь. Она не его женщина. Она женщина другого человека.

Я чувствую, как внутри меня что-то рушится. И одновременно — как что-то новое начинает строиться. Что за постановка вопроса? Не его женщина. Женщина другого человека. Шансон какой-то.

— Кто он? — спрашиваю я.

— Это не моя тайна, — отвечает Иван. — Но я обещаю вам: если вы хотите узнать правду, я помогу вам её узнать. Только не сейчас. Сейчас вам надо лечиться.

Он встаёт, поправляет мою подушку. Я чувствую его руки рядом с моей головой, но он не касается меня. Он боится. Или я боюсь. Или мы оба боимся того, что произойдёт, если он дотронется.

— Я зайду завтра, — говорит он. — Отдыхайте.

Он уходит. Я остаюсь одна. В голове «разброд и шатания». Я смотрю на телефон. Игорь сидит с Гоголевой в китайском ресторане. Надо было показать Ивану фото. Но что бы это изменило? Он сказал, что это невозможно. Он сказал, что она — женщина другого человека.

Розы окончательно завяли. Чёрные, как моё настроение. Как моя жизнь. Как этот финал, который я не планировала. Мне не нужны эти цветы. Я вызываю медсестру.

— Пожалуйста, уберите цветы!

Она забирает их. Я остаюсь одна с мыслью, которая пульсирует в голове: Иван знает что-то. И я должна его разговорить. Потому что это может изменить всё.

Я закрываю глаза и вижу лестницу. Оникс. Свет. Я падаю. Или поднимаюсь?

Глава 6. День процедур

На следующий день врачи берут меня в оборот.

Вместо завтрака — стакан воды.

Сначала меня везут на снимки. Цифровой томограф выглядит как космический корабль. Всё сразу, в высоком разрешении. Врач-рентгенолог, молодой парень, показывает: «Вот здесь трещина. А здесь — нет. Повезло, операция не нужна».

Потом тесты. На движение, на чувствительность. Мне проверяют рефлексы, пальцы, локтевой сгиб.

Потом анализы. Медсёстры похожи на сотрудников секретной лаборатории: всё быстро, стерильно, без лишних слов. Мне даже не приходится ждать — всё делают прямо в палате или рядом, в процедурном кабинете, где пахнет медицинским спиртом.

Клиника «Белый лотос» — это не просто больница. Это целый город в городе, многофункциональный медицинский центр самого высокого уровня, где лечат всё — от насморка до онкологии. Здесь пахнет деньгами и стерильностью. И здесь не задают лишних вопросов, если ты платишь.

Я — жена члена Совета директоров, теоретически я тут почти на правах хозяйки.

Здание — стеклянное, многоэтажное, с панорамными окнами и внутренним двором, где растут настоящие лотосы в небольшом пруду. Архитектура — современная, без лишнего пафоса, но с ощущением, что ты попал в будущее. Внутри — мраморные полы, живые растения, мягкие диваны в холлах, картины на стенах, которые покупали на аукционах.

Игорь и Иннокентий — совладельцы. Они входят в Совет директоров, они принимают стратегические решения, они контролируют финансы. Их слово — закон. Они могут назначить или уволить, открыть или закрыть отделение, купить или продать оборудование.

Я первый раз нахожусь здесь в качестве пациента.

Только сегодня я наконец освобождаюсь от стресса падения и начинаю понимать, что со мной происходит. Вчера мои мозги были в отключке, в режиме полу сознательного, медленного, потустороннего, в режиме животных инстинктов.

Какой вздор я несла вчера Ивану!

Иван — главный врач травматологии. Он — не совладелец, он — наёмный сотрудник, хотя и очень высокого уровня. Он подчиняется Игорю и Иннокентию, но имеет свободу в лечении. Ему разрешили применять методы комплементарной медицины, потому что он принёс клинике славу и деньги.

Я вспоминаю, что не раз слышала о нём, особенно о том, как он восстанавливал после травм известных каскадёров, акробатов, попавших в аварии мажоров, которые постоянно что-то себе ломают, гонщиков, несмотря на то, что у спортсменов, например, есть свои клиники. Но Иван владеет чем-то особенным, что помогает восстанавливаться в разы быстрее и без непоправимых последствий.

Да, я слышала о нём, определённо. Просто никогда не видела.

После обеда — процедуры.

Сажусь в белое мягкое кресло, с обеих сторон на меня направлены плоские круги со спиралевидным рисунком, включают ток, и я засыпаю. Я ничего не чувствую, я устала, мне просто хорошо, и плечо почти не болит.

— Что это была за процедура? — спрашиваю медсестру.

— Это восстановит вас в разы быстрее. Клеточный осциллятор Лаховского. Зачем вам? Это ноу-хау шефа.

— Какого шефа? Ивана Петровича?

— Да. У нас один шеф по медицинской части.

— Спасибо. А где можно почитать про этот осциллятор?

— Всё с шефом, Елена Константиновна. Мы не уполномочены.

Иду к себе.

Весь день пролетает со скоростью болида. Я не видела Ивана. Не потому что пряталась — я была занята. Он не заходил. Я думала, что он появится после обеда, но вместо него заходит стройная молодая женщина-врач, яркая блондинка с накаченными губами, не сильно накаченными, но заметно. Серьёзная и сосредоточенная.

Странно видеть такую внешность в белом халате, но врачи тоже люди, как говорится.

— А Иван Петрович? — вырывается у меня.

— Что Иван Петрович? — она пытается поднять брови сквозь свой ботекс. — Доктор Бодров — заведующий отделением…

— Простите, просто… — я не знаю, что сказать.

— Вы тоже попались на чары нашего шефа? — она наконец улыбается, но мне не нравится её улыбка. — Он у нас один на всех. К тому же, сейчас в операционной.

Мне становится неудобно. Я тоже попалась? Она быстро меня приземлила. Сама тоже, скорее всего, среди тех, кто попался, не иначе.

Ещё раз убеждаюсь в том, что жизнь быстро ставит на место тех, кто расслабился и потерял бдительность.

И правда, что я о себе возомнила? Он просто доктор, внимательный и ответственный, а я жена совладельца клиники, где он работает. Как он может относиться к такой пациентке? С подчёркнутой заботой и осторожностью. Вот и всё.

Она смотрит мою карту, спрашивает о боли, ощущениях, состоянии. Что-то помечает в планшете, прощается и уходит. Так себе доктор, но не мне судить.

День заканчивается. Мне плевать, кто там попался на чары Ивана. В глубине души я всё равно его жду.

Около девяти чувствую какую-то опустошённость и выхожу в коридор.

Не могу сказать, что здесь много народу, но и не мало. Кто-то идёт с костылями, кто-то сидит на скамейке с перевязанной рукой, кто-то разговаривает по телефону, прижимая трубку здоровым плечом. Я прохожу в холл, где стоит большой телевизор, в кадках — высокие деревья.

Почему я не вижу его? И почему он не идёт?

Сажусь на диван, смотрю в тёмное окно, где отражается мой силуэт — растрёпанный, бледный, с повязкой на плече. И вдруг в кармане вибрирует телефон.

Я достаю его. На экране — «Игорь». Он звонит мне второй раз за последние дни. Обычно он просто оставляет вещи у медсестры и уходит. Я не хочу брать трубку. Но палец сам нажимает «ответ».

— Лена, — слышу я его голос. Он звучит спокойно, почти участливо. — Как ты себя чувствуешь?

— Нормально, — отвечаю я настороженно. — Что тебе нужно?

— Я хочу поговорить. По-человечески. Без ссор.

Я молчу. Я жду подвоха. С ним всегда есть подвох.

Глава 7. Вода

— Лена, — продолжает Игорь, и голос становится мягче, почти как в первые годы нашего брака. — Я переживаю за тебя. Я думаю, тебе нужна помощь. Не только физическая. Я говорю о другом. О том, что у тебя внутри.

— У меня внутри ничего нет, — говорю я, и голос предательски дрожит. — Кроме желания развестись.

— Ты не хочешь разводиться. Ты хочешь убежать от себя, — он говорит так уверенно, что я на мгновение задумываюсь: а может быть, он прав? — Ты всю жизнь бежишь от себя. Ты боишься воды, потому что боишься своего прошлого. Ты боишься правды о себе.

— Что ты имеешь в виду? — я чувствую, как внутри меня всё холодеет.

— Лена, — он вздыхает, и в этом вздохе я слышу фальшивое сочувствие. — Ты знаешь, что случилось с твоими родителями в Таиланде.

Я замираю. Сердце начинает колотиться где-то в горле. Не надо. Пожалуйста, не надо.

— Ты заставила их остаться, — продолжает он. — Они хотели поехать на экскурсию, помнишь? Вглубь острова. Там было бы безопасно, и цунами бы их не достал. Но ты уговорила их остаться на пляже.

— Это не так, — шепчу я. — Я не…

— Ты боялась, что отец не справится с управлением скутера, и они попадут в аварию. И они остались. Из-за тебя.

Я слышу, как мой голос ломается.

— Как можно меня в этом обвинять… Я заботилась о них…

— Ты всегда знала, Лена. Ты знала, что это была твоя вина. Ты просто не хочешь признавать. Но я тебя не осуждаю. Я хочу тебе помочь. Я хочу, чтобы ты перестала винить себя. Я хочу, чтобы ты получила лечение. Там, где тебе помогут.

— Ты хочешь запереть меня! — выкрикиваю я. — Ты хочешь сделать меня сумасшедшей!

— Я хочу, чтобы ты выздоровела, — говорит он спокойно, и этот спокойный голос страшнее любого крика. — Ты видишь то, чего нет. Ты вообразила себе, что у меня роман с Гоголевой. Ты вообразила, что я хочу тебя изолировать. Ты упала с лестницы, потому что у тебя были галлюцинации. Ты сама себе это сделала, Лена. Я не трогал тебя.

Впервые хочется расцарапать его смазливую рожу. До крови.

— Ты врёшь, — говорю я. — Ты лгал мне всё время. Ты врал про Гоголеву, ты врал про деньги, ты врал про всё.

— Я не вру, — его голос становится холодным. — Я просто вижу то, чего не видишь ты. Твоя фобия воды, твои истерики, твоя бессонница, твоя паранойя. Это всё — симптомы. Ты больна, Лена. Ты больна, и я хочу тебе помочь. Но если ты отказываешься от помощи — я вынужден действовать через суд.

— Не смей! — кричу я, и голос срывается на хрип. — Не смей угрожать мне!

— Это не угроза, — говорит он. — Это предупреждение. Ты нуждаешься в лечении. Все видят это. И ты скоро увидишь, что я прав. Ты упадёшь снова, Лена. Ты всегда падаешь. Потому что не умеешь стоять на ногах. Ты всегда была слабой. Даже твои родители знали это. Ты убила их.

Последние слова врезаются в меня, как лезвие. Я чувствую, как мир перед глазами начинаем расплываться. Слёзы текут рекой по щекам. Плечо начинает ныть. Вся левая сторона болит до пальцев на ногах. Я слышу его дыхание в трубке — спокойное, ровное. Он ждёт. Он знает, что я сейчас сломаюсь.

— Не смей так говорить, — шепчу я. — Ты не имеешь права.

— Я — твой муж, — говорит он. — Я имею право заботиться о тебе. Даже если ты этого не хочешь.

Он замолкает. Я слышу, как в трубке трещит тишина.

— Подумай, Лена, — говорит он тихо. — Подумай, кто твой враг, а кто друг. Я знаю, что ты хочешь развода. Но я даю тебе последний шанс. Обратись за помощью. И я не буду забирать тебя в клинику. Иначе — ты потеряешь всё.

Он отключается.

Эта тварь ударил туда, где я слабее всего. Туда, где я ношу вину уже двадцать лет. Я не хочу верить ему, но его слова вгрызаются в мою душу.

Я заставила их остаться. Они хотели поехать на экскурсию в глубь острова.

А потом пришла волна.

И я осталась одна. Навсегда.

Я поднимаю глаза. В отражении тёмного окна я вижу себя — растрёпанную, со следами слёз на лице, с повязкой на плече. Я вижу женщину, которая не может удержаться на ногах.

Я сжимаю телефон. Я хочу разбить его о стену. Я хочу закричать. Но я молчу.

Потому что если я закричу — значит, он прав.

Поднимаюсь с дивана и иду обратно в палату. Не оглядываясь. Не останавливаясь. Я чувствую, как каждый шаг даётся с трудом, как будто я несу на себе тяжесть всего мира.

Ложусь на кровать, закрываю глаза и чувствую, как внутри меня разрастается старое несчастье.

Я не просто боюсь воды. Я боюсь панически, до дрожи, до потери сознания.

Цунами. Двадцать шестое декабря 2004 года. Я тогда была студенткой. Родители улетели отдохнуть на Пхукет — папа наконец получил премию и хотел сделать маме сюрприз. Тела нашли только через неделю — их смыло в океан, когда на берег обрушилась волна.

Я не могла спать по ночам. Мне снилась вода — не море, не река, а та самая стена воды, которая просто стёрла их с лица земли. Она преследовала меня везде: в ванной, в стакане, в дожде за окном. Я видела её в каждой капле, в каждом зеркале, в каждой луже.

Когда мы решили пожениться с Игорем, я рассказала ему об этом. Он тогда был нежным, понимающим, он слушал меня часами, гладил по голове и говорил: «Я врач, я помогу тебе. Мы справимся». Я поверила. Я была глупой, молодой, влюблённой. Я думала, что если он знает мою рану, он будет беречь её, как самый главный кристалл в нашем королевстве.

А он просто запомнил, где у меня болит. Чтобы ударить, когда настанет время.

Встаю с кровати. Чищу зубы, чтобы что-то делать.

А потом я думаю об Иване. О его глазах. О том, как он смотрел на меня. И мне кажется, что в этом взгляде было что-то, что Игорь не может отнять.

Но я слишком слаба, чтобы верить в это сегодня.

Глава 8. Архитектор

До того, как позвонил Игорь, я успела подумать, что начинаю приходить в себя, что попрошу компьютер в палату, буду лечиться и понемногу разбирать письма Филина, отвлекусь.

Надо вернуться к этим мыслям и не пускать внутрь Игоря. Нет! Лена, нет!

Мысленно написала список вещей, которые надо приготовить Ваньке для новой школы. Основное я уже купила, остались мелочи, которые я выпишу в интернете. Он пока ещё не знает, что я в больнице, если Игорь ему не сообщил, конечно. Он в спортивном лагере в Карелии. Телефоны им не дают принципиально.

Сын стал совсем взрослым. Когда он только успел вырасти? Мой маленький тигрик. Рвётся в большую жизнь. Самостоятельный лет с шести. Всегда чем-то занят в своей комнате, что-то печатает, что-то смотрит в компе. Вечно что-то учит, спорит со своим закадычным дружком Павликом. Ещё немного, и у него начнётся настоящая юность. Вот бы был номер, если бы я… Обошлось.

Плечо ноет, но боль уже не такая острая, а какая-то тупая, привычная.

Достаю из холодильника йогурт с малиной, осторожно открываю, чтобы не отдавало в плечо, и сажусь за стол. Пока ем, вспоминаю, как мы купили наш дом.

Мы с Игорем уже жили вместе несколько лет, Ваньке было три годика, я тогда ещё работала переводчицей в крупной компании, ездила с делегациями, много зарабатывала, очень уставала. Мы наняли няню, спокойную и ловкую. Она нас вполне устраивала. Её звали Агата. Женщина из Подмосковья, лет пятидесяти.

У нас была просторная квартира в центре, но я всё время говорила Игорю: "Хочу дом. Настоящий. С лестницей, с садом, где будет расти сирень".

А он смеялся: "Зачем нам лестница? Лучше купим пентхаус, а не дом".

Дела с клиникой шли в гору.

И я упёрлась. Не знаю, почему. Может быть, потому что в детстве я жила в маленькой квартире, где было тесно, и мне казалось, что дом с красивой лестницей — это признак настоящей жизни. Свободной. Просторной. Счастливой.

Мне хотелось ещё одного ребёнка, девочку. И работать дома — заниматься чем-то творческим, копаться в истории.

Однажды на каком-то приёме, куда нас пригласил отец Игоря, мы познакомились с молодым архитектором. Он стоял в углу, почти ни с кем не разговаривал, потягивал шампанское, поблёскивая золотым перстнем с крупным красным камнем на мизинце, и рассматривал людей.

Я подошла к нему, потому что мне стало его жаль, точнее, его странного одиночества. Да и самой хотелось с кем-нибудь поболтать не о светских сплетнях, а о чём-то интересном. Вдруг повезёт. Игорь был занят нескончаемыми разговорами по бизнесу, из-за которых мы, собственно, и пришли. Клиника набирала обороты, дел было невпроворот. Успех моего мужа во многом был обязан его отцу, но это отдельная история.

— Вы кого-то ищете? — спросила я просто, чтобы спросить.

— Я всегда ищу и очень редко нахожу, — улыбнулся незнакомец, протянув слово «очень».

Звали его Эдуард Карлович Райтер. Ему было тогда около сорока. У него были длинные, почти до плеч, тёмные прямые волосы, пестрел галстук-бабочка в зелёную клеточку, и он смотрел на меня удивительно спокойным взглядом своих небесно-голубых глаз. Он видел меня и одновременно не видел, как мне показалось. Творческая натура.

Мы проговорили весь вечер. Он рассказал мне, что его прадед, немецкий архитектор Карл Райтер, был одним из авторов многих проектов дореволюционной Москвы. Сейчас в

Москве его фамилию не все знают, а в Европе знают больше. Дед строил особняки для российских купцов, немецкие кирхи, но после революции остался в России и работал при советской власти, проектировал станции метро. После себя прадед оставил альбомы с чертежами, проектами, которые стали для мальчика Эдуарда настольной книгой.

— Я продолжаю его дело, — сказал тогда Эдуард. — Но я строю не магазины и торговые центры, а дома для людей. Настоящие. Такие, в которых хочется жить и умереть.

Через месяц он прислал нам проект. Игорь был против — слишком дорого, слишком сложно. Но я настояла. Отец Игоря меня поддержал. Когда я увидела первый набросок, я поняла, что это дом моей мечты. Вернее, о таком доме я даже не мечтала, если честно.

Эдуард Карлович строил дом почти два года. Он сам приезжал на площадку каждый день, сам выбирал материалы, сам нанимал рабочих. Он был из тех людей, для которых архитектура — это не просто профессия, а служение. Я часто приезжала на стройку, стояла в пыли на цементном полу и смотрела, как растёт наш дом.

— Лестница — это одна из основ дома, — объяснял он мне. — Она соединяет этажи, как позвоночник соединяет тело. И она должна быть совершенной. Я заказал оникс из Ирана. У него уникальная текстура — он переливается на свету, как вода. И он тёплый на ощупь. Представьте: вы спускаетесь босиком, и ступени не холодят, а отдают вам свою энергию.

Оникс привезли через три месяца. Это были огромные плиты, похожие на слоёный пирог — полосы молочно-белого, золотистого и светло-розового, переходящие одна в другую. Когда их уложили и отполировали до зеркального блеска, я стояла в оцепенении от восторга. Это была не лестница. Это было произведение искусства.

Перила Игорь хотел заказать стандартные, кованые, из чёрного металла. Но Эдуард настоял на своём: "Я сделаю их сам. Они будут напоминать вам летнее поле, которое колышется от лёгкого ветра. При свете листья и цветы будут отбрасывать тени, как настоящий сад"

Он делал перила почти полгода. Кузнец, с которым он работал, был известным мастером, но Эдуард стоял у горна, прорисовывал каждый стебелёк, каждый цветочек. "Я должен видеть, как они рождаются", — говорил он. И они рождались. Красивые, изящные, похожие на то, что можно увидеть в старинных дворцах.

Когда дом был готов, он сделал профессиональные фотографии и отправил в архитектурный журнал. Через полгода вышла статья: *"Особняк на Лосином острове: возвращение к истокам"*. Дом попал в его персональный каталог, и теперь любой, кто изучает его творчество, может увидеть наш дом. И лестницу, которая была выполнена из редкого иранского оникса с уникальным рисунком.

Как жаль, что именно наша красивая, необыкновенная лестница стала причиной моего падения и стала началом конца. Я это чувствую. Символично, что это как-то перекликается со словами Эдуарда о позвоночнике дома. Но лучше об этом не думать.

Поздно. Отключаю телефон. Мне надо выспаться.

Глава 9. Инфополе

Утром Иван опять заявляется с делегацией врачей и интернов. Он в прекрасном настроении.

Я замечаю это по лёгкой улыбке, которая не сходит с его лица, по тому, как он свободно жестикулирует, объясняя что-то интернам. Он похож на дирижёра, который управляет оркестром. Я тоже там где-то сижу, в этом оркестре, слева в третьем ряду с маленькой скрипочкой, которая еле пиликает. Пока.

Улыбаюсь.

От его присутствия мне становится легче. Вчерашний ужас, который душил меня всю ночь, вдруг перестаёт казаться неразрешимым. Он даёт мне уверенность, что надо действовать. Что я не просто жертва, которая лежит и ждёт, когда её добьют. Что я ещё могу встать.

Я благодарна ему за то, что он даёт мне силы. Он буквально вытаскивает меня из трясины на солнце. Может быть, он просто хорошо делает свою работу. Может быть, я просто хочу, чтобы он был спасителем.

Ещё раз убеждаюсь в том, что наше тело — этот нежный био-робот — зависит не только от витаминов и минералов, а от того, что запускает процессы. И это нечто неуловимое и нематериальное. Оно по-разному приходит, иногда просто из инфополя, которое вокруг, а иногда от другого человека. Как это работает, никто не знает. Может быть, это просто электричество. Может быть, это магия. Может быть, это то, что называют… нет. Не сейчас.

После того, как Иван заканчивает с обсуждением моего случая, я тихонечко шепчу ему:

— Мне обязательно надо с вами поговорить. Это очень важно.

Он кивает. Я не знаю, что точно я ему скажу. У меня нет слов. Есть только чувства, которые я не могу контролировать. И один вопрос, который жжёт изнутри. Но я не знаю, как его сформулировать. Может быть, я просто хочу, чтобы он был рядом. Может быть, я просто хочу, чтобы он сказал мне, что я не схожу с ума. Или что схожу, но это нормально.

— У меня сегодня две операции, — говорит он. — Приду сразу, как освобожусь, чтобы мы нормально поговорили. Сейчас идите на процедуры и не думайте о плохом. Выход всегда есть, его надо только найти. Я помогу.

И всё-таки мне кажется, что между нами что-то есть. Но на самом деле ничего нет, кроме, может быть, обоюдной симпатии — тонкой, как паутинка.

После процедур, когда плечо ноет, но уже не так отчаянно, в палату влетает Валя. С пакетом косметики, с горой вкусностей — голубика, поздняя душистая подмосковная клубника, мои любимые ржаные крендельки с пряностями. Даже притащила маленький фен, чтобы я наконец перестала быть похожей на огородное пугало, новую пижамку, крем для лица и ещё кучу всего, о чём я даже не просила.

Она всё сечёт. Всегда сечёт. Даже когда я молчу.

— Когда он тогда спрашивал о тебе в клубе, я сразу поняла: ты ему запала, — подмигивает она, выкладывая на тумбочку баночки и тюбики. — Не просто так он запомнил молчаливую даму в углу.

— Перестань, — отмахиваюсь я, но на душе опять теплеет. — И не беги вперёд паровоза. Он врач. Я пациентка. Точка.

— Ага, точка, — хмыкает Валя, но спорить не лезет.

Она провозилась со мной почти два часа. Уложила волосы, нанесла крем, помогла переодеться в новую пижамку — мягкий хлопок, нежно-голубой, в едва заметный рубчик. Сижу сейчас на кровати с чистой головой и чувствую себя почти живой. Почти сильной.

А потом она садится напротив, берёт меня за здоровую руку, и я вижу, как её лицо меняется. Игривость уходит, остаётся только сосредоточенная серьёзность, которую я знаю по

нашим общим студенческим временам, когда она вытаскивала меня из отчаяния. Тогда она была моим якорем. Сейчас она снова становится им. Только море стало глубже.

— Тут такая вещь… — начинает Валя, — я была у Пантелеймонова.

— Зачем?

— Мы всё дачу делим с бывшим, в которую я вложила прорву бабла, практически заново её отстроила, а он мне выставляет, что это всё его и так далее. Хорошо, что у меня чеки остались кое-какие, но не суть, не лезь туда. Знаешь, что он мне сказал попутно? Вот ведь мир тесен…

— Говори всё, как есть, — говорю я, и внутри меня всё сжимается. — Я уже в норме. Мне терять нечего. Кроме себя. И то, наверное, уже потеряла.

Я хорошо знаю Сергея Пантелеймонова. Валя часто таскала его на свои тусовки — высокого, лысоватого, с вечно насмешливыми глазами и цепким умом. Пару раз я была там с Игорем, и Сергей смотрел на моего мужа так, будто видел его насквозь. Может, тогда мне стоило спросить, что он видит. Может, тогда я могла бы остановиться. Но мы никогда не останавливаемся вовремя. Мы всегда ждём, когда упадём.

Валя мнётся. Я почти слышу, как она перебирает в голове слова, чтобы не разбить меня окончательно. Но я уже знаю — то, что она скажет, будет ударом. Ударом в то место, где я уязвимее всего.

— Ну, если коротко… — опять тянет Валя. — Пантелеймонов мне сказал, что Игорь тайно консультировался с психиатром, который специализируется на "семейных делах". Он с этим психиатром обсуждал какой-то кейс, и они вышли на похожую ситуацию. И где героем в этой ситуации оказался сам Игорь. Он собирает информацию о твоём поведении — о твоей тревожности, бессоннице, слезах, о том, как ты закрываешься в комнате, о том, как ты "беспричинно" подозреваешь его в измене. И, самое страшное, о твоей фобии — страхе воды.

Я валюсь назад, и здоровой рукой прижимаю себе зачем-то рот. Открытый от ужаса рот. Воздух уходит из лёгких. Как будто я тону. Как будто та самая волна, которая унесла моих родителей, снова пришла за мной. Только теперь она имеет лицо моего мужа.

— Ты понимаешь, что он хочет упечь меня в психушку, Валя? — я слышу, как мой голос ломается. — Он серьёзно этим занимается. Спасибо тебе, что сказала. Я и так подозревала, но когда тебе говорят в лоб — это кошмар. Он же был моим мужем, ты это понимаешь? Пятнадцать лет! Пятнадцать лет я думала, что он любит меня. А он собирал на меня досье. Как на врага.

— Ой, только не надо мне про мужей, — восклицает подруга. — Чего я только там не видела в этом замужестве. Давно уже ничему не удивляюсь. Но, Лена, это уже слишком. Это не просто измена. Это план. Он готовит твой арест. Твой личный, домашний арест. В психушке.

— Единственное, чего я не пойму, — говорю я, пытаясь собрать разбегающиеся мысли, — почему он так спешит? Я же в больнице, ещё не совсем здорова физически, куда он гонит?

— Ты считаешь, в этом что-то есть? — Валя смотрит на меня пристально, и я вижу, как в её глазах зажигается искра. — Может быть, у него есть причина бояться? Может быть, он знает, что ты можешь что-то узнать?

— Я вспомнила! — вдруг вырывается у Вали.

— О чём ты?

— Я вспомнила фамилию психиатра, с которым разговаривал Пантелеймонов.

— Дай угадаю, — хмыкаю я, — Лопато. Вениамин Игнатьевич Лопато. Такое имя раз услышав, уже не забудешь. Он как будто из какого-то другого века вывалился.

— Да. Ударение на последнем слоге — ЛопатО. — Валя ставит на стол вазочку с ягодами. — Иди садись за стол. Если я тебя не покормлю, так и будешь сидеть рассматривать стену напротив.

— Валь, — говорю я, и голос дрожит, — у Игоря какая-то проблема. Он вытаскивает всех тузов. Я не знаю чего-то основного. Только бы мозгов хватило хотя бы зацепиться…

Кладу в рот душистую ягоду и чувствую, как её вкус взрывается на языке. Кисло-сладкий: жизнь, боль, надежда.

Страх перестаёт быть парализующим. Он становится движущей силой. Я не знаю, что я сделаю. Но я знаю, что я не сдамся и не дам ему запереть меня в тюрьме, украсть у сына мать и продать мой дом. Я не дам ему уничтожить меня.

Беру ещё одну ягоду.

Глава 10. Козыри

Когда мы построили дом, я не знала, что в саду будет пруд. Он появился в проекте, как сюрприз. Эдуард сказал тогда: "Он будет гармонировать с вашим садом, Лена. Я сделаю его мелким, с лилиями, с мостиком. Вы полюбите его". Он говорил это так уверенно, будто знал меня лучше, чем я сама.

Как будто он видел не мою фобию, а мою будущую победу над ней. Как все архитекторы, которые верят, что красота исцеляет. Зачем Игорь ему сказал о моей проблеме, я тогда не поняла. А надо было спросить и поставить его на место. Не сделала. Сама себя боялась.

Я не полюбила этот пруд. Я ненавидела его. Каждое утро я видела его из окна спальни и чувствовала, как внутри меня всё сжимается. Он был слишком близко. Слишком похожий на ту самую воду, которая забрала моих родителей, как казалось моему воспалённому сознанию.

Ваня же обожал этот пруд — кормил рыбок, сидел на каменной дорожке рядом, смеялся. Я обычно стояла в стороне, обхватив себя руками, и не подходила.

Мне ничего не стоило вызвать рабочих и засыпать этот источник моих страданий каким-нибудь песком, но я никого не вызывала и Игорю ничего не говорила.

Я надеялась, что смогу всё сама постепенно преодолеть, и старалась.

Игорь знал, что моя проблема никуда не делась. Он знал, что я боялась воды, что я просыпалась по ночам от кошмаров, в которых я стояла на пляже, и огромная волна меня накрывала. Он знал, что я не могла пройти мимо пруда, не сжавшись в комок.

И всё это время он копил, собирал информацию, как коллекционер. Мои слёзы, мои страхи, мои ночные кошмары — всё это стало его картотекой. Он сортировал мои раны по папкам, как улики. Как доказательства моей несостоятельности.

"У неё невроз", — сказал он тогда психиатру при мне. Этому самому Вениамину Игнатьевичу Лопато. Его фамилия звучит как заклинание. Или как проклятие. "Она боится собственного сада. Подозревает меня в изменах без оснований. У неё галлюцинации. Ей нужно лечение. Длительное". Я сидела тогда и молчала. Мне было стыдно. Неудобно спорить при враче. Я ведь верила, что он хочет помочь. Я думала, что это забота.

Я стала ходить к Лопато. Говорила о своих страхах, о воде, о смерти родителей. Я рассказывала ему то, что никогда не рассказывала никому. А он записывал. И каждое слово, каждая моя слеза, каждый мой вздох становились строчкой в деле, которое Игорь готовил против меня. Я платила за то, чтобы меня уничтожили. И улыбалась при этом.

Я не была безумной. Я была просто напуганной. Травмированной. Непонятой. И слишком доверчивой. Я верила, что если я буду честной, мне помогут.

Что странно, приступы, связанные с водой, случались со мной только дома. Когда я была на людях или в поездке, этого не происходило. А дома я была уязвимой.

Эдуард умер два года назад от сердечного приступа где-то в Европе. Он оставил бюро сыну, который, говорят, далёк от архитектуры. Теперь наш дом — сохранившийся в России образец его лучшего периода.

Сейчас, видимо, пришло время, когда Игорь решил сложить свой замысел в смертельный узор. Но я не понимаю, какой. У меня нет всех деталей пазла.

— Многие так делают, — говорю я Вале. — Прячут жён в психушках. И им всё сходит с рук. Были бы деньги. Или связи. Или цинизм. У Игоря есть всё.

— Я не буду пока ничего утверждать, — отвечает подруга, и я вижу — она боится. Она никогда не боится, а сейчас она за меня боится. Её глаза блестят. Я знаю, что она готова сделать что угодно, чтобы защитить меня. — Надо проверить.

— Нечего проверять! — почти выкрикиваю я. Мой голос звучит жёстко, грубо, со злостью, которую я долго прятала. — Надо действовать. Он хочет меня изолировать. Зачем? Из-за

Гоголевой? Или просто хочет от меня избавиться? — я смеюсь. Смех выходит горьким, почти истеричным. — Да какая разница! Я не хочу знать, зачем. Я хочу только одного — расстаться. Или даже сбежать. Не находиться в одном доме. Это опасно. Мне надо с ним разводиться. И как можно быстрее.

Боль в плече становится острее, но мне уже всё равно. Ярость внутри меня закипает, как вода в чайнике. Я не злюсь — я горю. Отчаяние больше не парализует. Оно заставляет дышать глубже, думать быстрее, чувствовать острее.

— Я хочу связаться с твоим Пантелеймоновым, — говорю я твёрдо. — Хочу подать на развод. Немедленно. У меня есть родительская квартира в центре — маленькая, но моя. Там просто надо сделать ремонт, — провожу здоровой рукой по волосам, на секунду представляя, как трудно будет оказаться среди их вещей. Их запах. Их книги. Их фотографии. — Я сама справлюсь. Закажу ремонт под ключ, пока я тут прохлаждаюсь в больнице. Там можно жить какое-то время.

— Да, конечно. Только долечись, — перебивает Валя. Она хочет меня остановить, но я не останавливаюсь.

— Игорь не съедет из дома, — продолжаю я, не обращая внимания на её слова. — Он будет меня допекать, если я останусь с ним под одной крышей. Он врач, Валя. Ты не забывай. Он может придумать что угодно — поставить мне диагноз, накормить таблетками, вызвать санитаров, привезти полицию. Он уже почти это сделал.

Валя молчит и хмурится.

— Сергей тебя возьмёт без проблем, — наконец говорит она, имея в виду Пантелеймонова, и в голосе слышится уверенность. — Я сама с ним поговорю. Уже сегодня.

Она кладёт свою ладонь поверх моей. Её дружеское искреннее тепло передаётся мне, и я чувствую, как внутри меня что-то отпускает. Я не одна. Она со мной.

— Знаешь, — добавляет Валя тихо, — мне так нравился твой Игорь вначале. Мне казалось, он идеальный. Красавец, состоятельный, да ещё и доктор. Я даже завидовала тебе. Но сейчас… сейчас я вижу его по-другому. И мне стыдно, что я раньше не заметила, какой он.

— Он всё давно спланировал, — устало говорю я. — Шёл по пунктам. Я любила человека, который этого не заслуживал. Кормила себя иллюзиями. Прощала то, что нельзя прощать.

— Я помогу тебе с ремонтом, — говорит она. — Можешь на меня рассчитывать. Там, наверное, много вещей, которые надо вынести.

— Спасибо.

Родительские вещи. Их запах. Их книги. Их фотографии. Я не знаю, смогу ли я к ним прикоснуться. Но я знаю, что должна.

— Если он хочет сделать меня безумной, — говорю я, глядя в окно на августовское небо, которое уже начинает золотиться, — пусть попробует. Но теперь я знаю его игру. И у меня есть козыри.

Я поворачиваюсь к Вале с улыбкой и улыбаюсь не криво, не через силу. Настоящей улыбкой. Как будто я снова узнаю себя.

— Я не дам ему себя сломать. Я уже упала. Дальше — только вверх.

— Что там у тебя за козыри? — напряжённо улыбается она в ответ. В её глазах я вижу смесь страха и надежды. Она хочет верить. Как и я.

Вспоминаю Ивана. Его руку на моём плече. Его обещание. Взгляд, в котором было что-то большее, чем просто профессиональная забота. Два слова, которые он произнёс шёпотом, как будто боялся, что его услышат стены: «Я помогу».

— Есть у меня один человек, который знает о Гоголевой то, чего не знаю я. И он обещал помочь. Сегодня мы поговорим.

— И ты ему веришь?

Я смотрю в окно.

— Хочу верить, — говорю я.

Глава 11. Знак

Иван приходит, когда за окном уже начинает смеркаться. Вечерний свет пробивается сквозь жалюзи, ложится полосами на белый пол палаты.

Он без халата — в тёмно-синей рубашке с закатанными рукавами, без галстука, с лёгкой небритостью. Совсем не похож на доктора. А на кого?

Моё тело, сквозь боль и стресс последних дней, отвечает на его присутствие приятным трепетом.

На губах играет улыбка, и я ничего не могу с ней поделать.

— Привет, — говорит он, закрывая за собой дверь. — Я обещал прийти.

— Я ждала, — отвечаю тише, чем я обычно говорю.

Он садится не на стул у тумбочки, как обычно, а опять на край кровати. Ближе. Я чувствую его энергию, запах чего-то свежего и резкого — то ли мыло с хвоей, то ли одеколон с нотками цитруса. Пахнет мужчиной. Настоящим. Не больничным.

— Как плечо? — спрашивает он. Глаза скользят по повязке.

— Ноет. Но терпимо.

— Это хорошо. Значит, заживает, — он замолкает. — Я хотел поговорить с тобой. Не как врач. Как человек, который… — он останавливается на мгновенье, — который хочет помочь.

Сильные руки с длинными пальцами, с чистыми, коротко остриженными ногтями. Руки хирурга. Я не могу оторвать от них взгляд. Сейчас они лежат у него на коленях, и я замечаю, как он водит ими по бёдрам, будто сдерживает себя или волнуется.

— Я внимательно слушаю, — мой собственный голос кажется мне каким-то необычным, наполненным. Таким, какой я уже почти забыла.

Он поднимает на меня глаза. Серые. С тёплым отливом, как дождевая вода. Вода? Почему мне не страшно, когда в голову приходит это сравнение? У меня чуть ли не перехватывает дыхание. В них что-то сексуальное и опасное.

— Ты красивая, Лена, — вдруг говорит он, и я вздрагиваю.

Что угодно, я готова слышать что угодно, но только не это. Сколько лет я не слышала от мужчины ничего подобного.

— Я хотел сказать это в клубе, когда тебя увидел, ты сидела в углу, мокрая после бассейна, с уставшим лицом. И невероятно красивая… Мне кажется, каждой женщине приятно, когда ей говорят такие вещи.

— Ты захотел сделать мне приятное? Спасибо.

— Валя говорила, а я смотрел на тебя. Ты старалась даже не дышать в мою сторону.

— Остановись, — шепчу я. Хорошо, что вечер, и он не видит, как я краснею. Щёки горят огнём. — Я не знала, — еле говорю. — Я подумала… что ты просто решил поболтать от нечего делать.

— Я редко болтаю просто так, — усмехается он. — Потом ты встала и ушла. Я хотел догнать, но не решился. С какой стати? Мы взрослые люди. А через несколько дней ты лежишь в моём отделении. С переломом.

— У меня нет перелома, — уточняю я с лёгкой улыбкой.

— Это какой-то знак. Уж не знаю, хороший или плохой, — шутит Иван. — Решил тебе сказать. И это ни к чему тебя не обязывает, как и меня.

Молчу. Сердце колотится так громко, что кажется, он слышит его. Я знаю: он тоже сдерживается. Он тоже хочет прикоснуться, провести рукой по моей щеке, по волосам, но не позволяет себе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.